

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Дмитрий Губин

**Борцы
и джентльмены**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ДМИТРИЙ ГУБИН

БОРЦЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Родился в 1964-м в Иванове, окончил журфак МГУ, эмигрировал — в Ленинград. В 1987-м опубликовал в «Огоньке» статью «Ивановский самиздат», за что тут же получил премию «Огонька» в одном списке со Светланой Алексиевич и Сергеем Хрущевым. С тех пор ссорился с «Огоньком» и мирился, вел теле- и радиошоу, был колумнистом GQ, выпустил книжку о недвижимости Петербурга, работал в Лондоне на Би-би-си, редактировал FHM и Robb Report, а в 2007-м стал постоянным обозревателем «Огонька». Кажется, единственный журналист в стране, который живет в Петербурге и каждую неделю ездит на работу в Москву.

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

© Издательский дом «Огонек», 2008

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВИНЫ

Никогда еще в России так сладко не ели, так мягко не спали и так разухабисто не потребляли. С чего бы тогда постоянно, настойчиво и всюду — разговоры, что скоро все накроется?

Чем успешнее социальный слой, тем чаще внутри подобные разговоры: это примета последних лет трех. Их важная составляющая — слово «подушка». Подразумевается: смысл жизни в России — заработать столько денег, чтобы превратить их в постоянный источник дохода и с этой подушкой перенести семейную спальню в Прованс или тот же Лондон. Показательно даже не стремление к жизни рантье (мечта о ней характерна для всей корпоративной культуры), а то, что жизнь рантье в пределах России не признается жизнью. И то: русское население Лондона выросло за три года с 200 до 300 тысяч!

Успешный россиянин, получивший в рекордные сроки с жизни в России очень большую по западным меркам премию, мучим эсхатологическими настроениями. Я насчитал 10 объяснений этой тревоги.

Версия 1 — исторических аналогий

Точно так же, как литературу в России еще считают «учебником жизни» (хотя она лишь развлечение и изредка — корм для ума), так и историю многие полагают инструментом прогноза.

Когда еще, спрашивается, Россия развивалась так бурно? Когда на 10 процентов в год рос ВВП? Когда страна переживала такой строительный бум? Правильно: в Серебряный век 1900-х, кажущийся теперь золотым. Чем кончилось — известно: войной, революцией, крахом. Второй бум потребления, уже в конце 1990-х, был краток и опять же завершился дефолтом и пятикратной девальвацией рубля. Следовательно, и нынешние изобильные годы с их миллионами продающихся иномарок и гектарами вводимых в строй гипермаркетов — наваждение, морок и жизнь взаимы.

Версия 2 — неравенства распределения

Россиянин, путешествующий по Европе, не всегда формулирует, но всегда чувствует важное отличие ее от России. Нигде нет такого контра-

ста между провинцией и столицей. Провинциальные Тур или Кельн, Верона или Валенсия — прелестны, как бонбоньерки. Дело не в истории (Ярославль, что ли, не историчен?), а в бедности наших регионов, вид которых вызывает ощущение, что московский пир изобилия — пир грабителей во время чумы. Грабителями же и устроенной.

И любой губернатор, мэр, глава муниципального образования, да что там! — просто знаток бюджетных трансфертов подтвердит, что так оно и есть. Ответьте, скажем, какого рожна Москва получает субвенции «на выполнение столичных функций» — хотя бытие столицей в условиях централизации власти и так обеспечивает золотой дождь?

Владение же «Мерседесом» в окружении «Жигулей» уверенности не прибавляет. В отличие от владения «Ламборджини» в окружении «Мерседесов».

Версия 3 — пластмассовой диктатуры

Смысл в том, что российская власть, управляющая политически пассивным населением, к тому же преданным своему президенту, ведет себя так, как будто этого президента все только и мечтают что свергнуть, чем порождают нервозность даже среди лояльных.

Спрашивается: зачем было избивать участников вполне легального митинга в Петербурге, тихо-мирно шедших к метро? Зачем придумывать идиотские способы недопущения в Самару участников Марша несогласных? Зачем вводить цензуру на сценарии мыльных опер (а об этом я слышал от больших начальников на РТР)?

Когда власть сильна, она либо позволяет оппозиции все, либо уничтожает ее на корню. А так, как говорит мой знакомый лондонский банкир, «авторитаризм в России пластмассовый. Закручивает пластмассовые гайки пластмассовым ключом». Миддл-класс знает за пластиком свойство дешевого заменителя металла — и невольно вибрирует.

Версия 4 — кредитная

Треть населения страны прочно влезла в кредиты. Вице-президент крупного банка год назад рассказывал о попытке выйти на Урал: оказалось, что в Екатеринбурге местными банками выдано 260 тысяч кредитов. Ну и что, город-то — миллионник? А то, что в пересчете на экономически состоятельное население — это два кредита на семью. Набрав же кредитов, россияне обрекли себя на нервозную жизнь от выплаты до выплаты. И вот сидит московский менеджер, переехавший из однушки в Беляеве в трешку, и трясется: зарплата у него 4500 долларов, а выплаты банку 2500 долларов, а в новой квартире кладут полы из дубовой доски, а старая, продажей которой он рассчитывал свести концы с концами, зависла в листинге, хотя уже трижды снижали цену. И вот очередная выплата, а

зарплата на карточку не переведена. Как ему смотреть с оптимизмом в будущее?

Версия 5 — кризиса осуществленных желаний

Как в анекдоте, где нового русского не радуют елочные игрушки, многие из россиян напоролись на то, за что боролись. А боролись они за материальную обеспеченность, в процессе борьбы придя к убеждению, что любые штучки типа «духовности» или, не к ночи будь сказано, «культуры» есть либо удел лохов, либо инструмент их разводки.

Проблема же образовалась в том, что осуществить материальную мечту оказалось проще, чем завести новую. Машина покупается в кредит. Плоский телевизор с метровой диагональю стоит лишь тысячу долларов. И вот это добро приобретено — но место счастья занимает тоска. Лучшее всех эту тоску выразил в своих романах Владимир Спектр. Он как-то был у меня на радио, а комментировала его пожилая психолог. Даже не зная роман, она сказала, что проблема героя — это проблема инфантильной личности, чьи запросы удовлетворены раньше, чем сформированы. Что герой кричит от боли, но даже не рефлексировать, ибо в его личности страдания не от чего отражаться.

И Спектр из студии бежал, забыв на столе ключи от BMW. Потом, разумеется, вернулся.

Версия 6 — нефтяная

Упоминаю ее лишь потому, что большинство уверено: именно углеводороды есть источник их благ — пусть даже их личные блага проистекали из торговли каким-нибудь китайским трикотажем. На самом деле продажи нефти и газа обеспечивают лишь 40 процентов ВВП, а в последние пару лет не они, а потребительский спрос является главным двигателем российской экономики. Другое дело, что основные нефтепотоки национализированы, то есть переведены от известных владельцев к неизвестным, не отвечающим ни за что. Это приводит к ситуациям, когда при росте мировых цен на нефть капитализация нефтяных госкорпораций падает. Когда такое случилось, спрашиваете? Да вот в этом, 2007-м году.

Версия 7 — качества госуправления

Парадокс: какое социологическое исследование ни возьмешь, деятельность всего государства, кроме главы государства, оценивается ниже уровня воды в сортире, в котором когда-то глава государства обещал замочить врагов. Государственное здравоохранение? Зурабова готова разорвать не только чернь, но и приличные портфельные инвесторы. Пенсионная система? Полный кошмар. Армия? Дедовщина и три копейки в год на довольствие. Продолжать можно до бесконечности.

Попробуйте хоть раз проехать по трассе Москва — Петербург. Там мириады автопоездов с новенькими иномарками и километры разбитой двухрядки с засевшими в кустах гаишниками. Иномарки в страну ввозятся благодаря частному бизнесу, дороги не ремонтируются и поборы взимаются благодаря государству. Десятки моих знакомых в последние годы построили себе дачи, но ни к одной из них не подведен газ. Хотя компания № 1 в России и называется Газпром.

Версия 8 — инфляционная

Уровень инфляции в стране (около 10 процентов) в 1,5 раза ниже роста доходов. Казалось бы, это повод не для тревоги, а для раздражения, которое вызывает, скажем, подорожавший на 2 рубля йогурт. Если бы не одно: растет и расслоение по доходам. Так что доходы опережают инфляцию у богатейших, а вот у беднейших (да и среднейших) — вовсе не факт.

Одна моя знакомая петербургская барышня 10 лет курсирует (как и я) между двумя столицами. Только предыдущие 9 лет она курсировала в купе, а в этом году — в плацкартном вагоне. Если самый дешевый купейный билет в январе стоил 900 рублей, то в мае — 1800. За билет на скоростной поезд в один конец (5 часов, 650 километров) надо выложить 2700 рублей. Для сравнения: поезд Париж — Биарриц (те же 5 часов, но 900 километров) обходится в 100 евро в оба конца. Барышня является переводчиком-синхронистом с французского, а потому собирается из России отчаливать. В сторону Биаррица.

Версия 9 — купленной Фемиды

У приятеля детства, владельца автосервиса, — большие проблемы. Сына схватили среди бела дня и забили в армию. У жены в химпроме, Госнарконтроль остановил производство, объявив растворитель этанол наркотиком, а ее саму членом наркокартеля.

Сын был отмазан за 500 долларов (дешево: у него всего лишь не было при себе документов), с женой сложнее: эмвэдэшная крыша знакомого объяснила, что передел собственности в химической промышленности крышует серьезная организация.

Я не знаю, что здесь правда (кроме проблем), приятель тоже. Возможно, его крыша разводит его на деньги; возможно, на деньги разводят крышу. Факт в том, что любая серьезная крыша давно стала государственной, а разница между бандитами без формы и бандитами в форме только в форме. В возможность решать проблемы по закону, через суд, приятель не верит ни на грош. «Все куплено», — говорит он, не доводя рассуждение до главного: а кем, собственно, куплено все?

Бизнес приятеля недавно был оценен в миллион. В полмиллиона — его квартира. Сегодня он думает, что именно выгоднее продать и,

возможно, свинтить. Он просто не уверен, что не придут за его авто-сервисом.

Версия 10: глобального кризиса

60 процентов российского фондового рынка — деньги зарубежных инвесторов. А мировой рынок переживает не лучшие времена. Прочат глобальный кризис: в США ждут обрушения рынка недвижимости, спровоцированного кризисом ипотеки.

Какая связь между ипотекой в Айове и работой в Курске? Прямая. При кризисе инвесторы в первую очередь выводят деньги с *emerge markets*, рискованных рынков, к которым относится и Россия. Заимствования для наших компаний станут золотыми, сотрудники потеряют работу, а банки обанкротятся, потому кредиты им не вернут. А политическая элита, вмиг обедневшая, тут же перегрызется и начнет рассказывать друг о друге такое, что народ пойдет на баррикады. Чему МВД, ФСБ, спецназ и ОМОН, потерявшие доход от крышевания, вряд ли будет сопротивляться...

* * *

Честно говоря, я попытался суммировать все версии. Но в итоге пришел к еще одной — собственной. Разваливая с яростной радостью СССР (а его погубила нелюбовь суммарного «мы»), строя новую России в голоде и холоде (буквально), мы, в общем, грезили о стране европейской или, точнее, панатлантической цивилизации, базовые принципы которой едины от Ванкувера до Копенгагена: свобода, справедливость, закон, благосостояние. И где последнее есть только следствие из первых трех. И к которому (в смысле богатству) некоторые страны шли десятилетиями.

Мы же мгновенно, при первой углеводородной okazji разменяли на деньги и свободу, и справедливость, и закон. По уровню потребления мы вполне Европа. По типу внутреннего устройства — даже не Азия, где картель, семья, жус, клан открыто узурпируют власть. Мы стали вновь, как и во времена СССР, уникальной страной.

И теперь трясемся, ни вида ни примера, ни поддержки нашей уникальности, — чувствуя только, что дом стоит на песке. Ну, или на нефти: качается.

И к этому привели не Ельцин и даже не Путин, а общее коллективное — и боюсь, что сознательное. Поэтому каждый, способный хоть к малейшему анализу, ощущает сегодня так тревожно свою вину. Потому что знает: на этом свете или на том, самому или наследникам, но ее придется искупать.

Май 2007 года

НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ

Когда ты не почетный гость питерского экономического форума, а просто питерец и к тому же на роликах, некоторые обстоятельства этого праздника выглядят совсем по-другому.

Я люблю кататься на роликах и катаюсь. Это не к теме, а к началу сюжета. 10 июня я летел через Троицкий мост и Дворцовую площадь на стрелку Васильевского острова, где когда-то собирался умирать Иосиф Бродский, но я-то рассчитывал вернуться живым.

Стоял прекрасный воскресный вечер, набережные были полны публики, над Невой вздувались паруса, играла музыка, били фонтаны — в общем, вид империи праздничным днем. Кататься в толпе, замечу, не очень удобно, но тут уж без выбора. Второй год любимое место питерских роллерблейдеров, памятник архитектуры Кировский стадион, сносятся ради строительства нового стадиона. Сторонники сноса упирают на то, что новый проект будет шедевром Кисе Курокавы, а скептики утверждают, что единственный смысл разрушения старого — в освоении средств, которые на нулевом цикле осваивать особенно легко.

Но это так, к слову. Я же летел по праздничной картинке, счастливый, как бог, и прекрасный, как дьявол; свернув с моста на Кронверкскую протоку, улыбнулся обильно толпившейся милиции, ни на секунду не задумавшись, имеет ли милиция отношение ко мне. В ушах играла музыка, губы у стражей беззвучно шевелились; я их строй проскочил за секунду. То, что они меня собираются бить, я понял позже, когда сквозь музыку услышал свистки и меня, догнав, схватили откуда-то сбоку.

Схвативших было трое. Они являли, с поправкой на время, трицу Никулин — Вичин — Моргунов. Бить меня собирался толстозадый, в руку вцепился мертворожденный сержант-женщина, рядом мялся кривобокий и кривоzubый подросток с болтавшейся в ступе воротничка шейкой.

Вот представьте, любезные читатели, что это вы летите с насыщенной эндорфинами кровью по прекраснейшему в мире виду, а вас хватают и собираются бить. Я, конечно, не знаю, что вы при этом думаете, но лично испытал мысль из числа двойных, хорошо описанных Достоевским в «Братьях Карамазовых».

Первая мысль была, что 10 июня в Петербурге завершается Международный экономический форум и, следовательно, сановники с форума изволят откушивать у Петропавловской крепости, служивые же их охраняют, перекрыв все дороги, дабы подлая чернь вроде меня не нарушала покой.

Вторая мысль состояла в том, что я отчетливо, почти на физиологическом уровне, вдруг понял, почему Вера Засулич стреляла в Трепова,

Степан Халтурин готовил убийство Александра II, а Александр Ульянов — Александра III.

А третьей одновременной мыслью, не описанной Достоевским, но, несомненно, распускавшейся в моем воспаленном мозгу, была та, что сегодня Россия возвращается вовсе не в СССР. Мы возвращаемся к естественной и единственно возможной форме существования страны, дихотомия которой выражена формулой «здесь барство дикое и рабство тощее».

Более того: никогда, ни в какие времена жизнь у нас, в России, другой не была и, подозреваю, другой и не будет. Про «возвращение в СССР» мы же твердим, будучи сбиты с панталыку формой, формальностями вроде советских песен или советских названий; на самом же деле милиция (слово, подразумевающее в противовес полиции народность) — она никакая не милиция, а как раз полиция и есть.

Хотите понять, что сегодня в стране происходит? Проводите параллель не с правлением Брежнева, а, условно, Николая II, тем более что его таланты, на мой невзыскательный вкус, были равны талантам Леонида Ильича. В стране (между 10 процентами богатых и 35 процентами беднейших) — мятущаяся прослойка сочувствующих быдлу интеллигентов, вчерашних разночинцев. Невиданный экономический подъем усиливает социальные сдвиги и порождает революционные ожидания, сводящиеся к тому, что деление на тиранов и рабов несправедливо и надо это дело на европейский манер прекратить.

Между тем деление на бар и быдло — не столько требующая разрешения несправедливость, сколько симбиоз, существовавший, повторяю, всегда, во все времена и являющийся сущностью русскости.

Если в Европе в Средние века стеной обносили города, страхуя от разорения не только барона с вассалами, но и свободных ремесленников, составлявших основу городов, то в России кремль защищали лишь бояр да попов, оставляя черный люд в чистом поле под ударами пришельцев (черный люд, несмотря на это, яростно защищал именно кремль, а не свои дома: это к вопросу о симбиозе). В Европе социальные потрясения означали смену устройств (начиная с голландской революции 1566-го), а в России — лишь смену элит, причем борьба во имя справедливости приводила только к репрессиям: вспомните декабристов. У нас, повторяю, такая страна, и другой она может быть либо лишившись населения, либо перестав быть Россией — что, в сущности, одно и то же.

Из вывода, состоящего в неизменности российского устройства, хочу поделиться тремя простенькими соображениями.

Первое: в российской жизни не надо ничего принципиально менять. Сочувствие униженным и оскорбленным — доброе чувство, но не повод, чтобы приводить их во власть. Представьте, что оппозиция победила и что Касьянов — премьер, а Каспаров — президент. Оба будут гонять по

Новому Арбату с мигалками: собственно, один уже и гонял. В единственном удавшемся случае построение нового социального строя в России привело к тирании столь кровавой и мерзкой, что померкла Ходынка. СССР, обратите внимание, был более или менее терпим, лишь когда обрел привычное деление на номенклатуру и совков, чему, по-моему, совки в массе были только рады.

Второе. Тем, кому не хочется ни в один из кланов, остается возможность побыть пресловутой прослойкой, причем не без комфорта, имея доход выше быдла, но не имея политических рисков барства: надо только держать баланс.

Третье. Надо получать удовольствие от восстанавливаемой связи времён, о которой так грезил интеллигенция во времена СССР. Повторяю: не свергать и не призывать к свержению, а именно получать удовольствие от созерцания картины Руси и России, воссоздающейся на глазах. Ну да, квартал под Мариинский театр снесли, а театр не построили; ну да, небоскреб Газпрома убьёт небесную линию Петербурга. Но Николай II вообще планировал снести часть центра под строительство «возвышенного метро» (представляете Санкт-Петербург с сабвеем?). Не нравится 140-метровый небоскреб? Не надо участвовать в его строительстве и терпеливо ждать, когда средства на зачистку района под стройку будут освоены; тогда там вместо газпромовского гиганта возведут квартал нормальной этажности элитного жилья. В России воруют, как точно заметила Великая Екатерина, оттого, что «человек по природе своей слаб и несовершенен»; фаворитов при ней было не счесть, и воровали они немерено, однако ж Екатерина осталось Великой.

Нынешний переход России на дореволюционные рельсы делает ясными многие прежде невнятные явления: мечта историка! Как пел Окуджава, «а прошлое ясней, ясней, ясней». Вот, скажем, я долго не мог понять, как после революции народ-богоносец мог крушить храмы и допускать расстрелы попов, а теперь, после попыток ввести основы православия в школах, после пасхальных служб, начинающихся словами «дорогой Владимир Владимирович», очень даже понимаю. Потому что православие в России есть не вера в Бога, а вера в отечественное — с барством и рабством — устройство жизни. Исчезнет устройство — и православие сохранится на уровне кружка ревнителей старины. Сегодня вообще очень понятно, откуда взялась, как нарастала и как поддерживалась сочувствующими революционная ситуация в России в 1905-м и в 1917-м. Понятно, например, почему какому-нибудь Морозову давали заигрывать с революционерами: просто его не успели отправить, отобрав собственность, в Краснокаменск.

Конечно, общественное устройство по принципу «барство-рабство» есть вещь опасная в том смысле, что постоянно провоцирует смену элит: шантрапа, пробравшись во власть, мгновенно хамеет и перестает ощу-

щать запросы толпы, теряя с ней связь. Но с другой стороны, хамство — это глубинный настрой толпы: какой обладатель на последние деньги купленного «Жигуленка» не мечтает на джипе сгонять с дороги всех, кто посмел усомниться в его барской крутизне? И, значит, мягкая смена элит успокаивает толпу в отличие от революции — а мягкая смена элит скоро нам предстоит.

Здесь бы я и поставил точку рассуждениям о приоритете эволюции над революцией, но есть еще одно соображение.

Во-первых, хватит иллюзий по поводу альтернативных — европейских, американских, протестантских, азиатских, китайских — путей России. Быть русским — это значит принимать как данность барскорабство. Кто это принимает — тот и русский, будь то таджикский рабочий, подставляющий выю под строительное ярмо, или атомный православный, своими хорутвями, как отмычкой, отворяющий дверь во власть. А кто не принимает — тот эмигрирует в мир с иным устройством жизни (горькая правда в том, что большинство российских фрондеров попросту боится или не может в этом ином мире с тем же даже не материальным, а душевным комфортом существовать: в России мыслящий класс во многом кайфует именно оттого, что не причастен ни к тупости черни, ни к коррумпии власти).

А во-вторых, прослойке пора определяться с правилами и параметрами своего прослоечного существования. В конце концов, милый и тонкий собеседник, человек принципов и образования, сразу после разговора с тобой отправляющийся вещать с экрана гостелевидения или, допустим, швыряющий окурки из окна машины, разрушает всю иллюзию прослоечной чистоты. Да что окурки — я был сильно потрясен, увидев, как милый и тонкий что-где-когдашник, придя работать во власть, тут же нацепил на машину мигалку: се многих путь. Его что — принуждали?

Никто не мешает сегодня внутри своего кондоминиума, своего дома, своего подъезда, своего двора жить абсолютно европейским укладом, то есть в равенстве, справедливости, законности и чистоте. Как, собственно, никто не мешал и до революции. У меня даже есть подозрение, что именно этот стиль жизни внутри образованного (но не являющегося властью) класса до революции и создает у нас теперь иллюзию дореволюционной России как европейской державы.

И еще одно: с властью можно сотрудничать тогда, когда сотрудничество не подло (и тогда можно сотрудничать даже бесплатно, как и поступает, например, сейчас любимая студентами безумная профессура за абсолютно мизерный оклад). И нельзя сотрудничать — ни за какие деньги, — когда это сотрудничество подло. Этот выбор делает миссию мыслящего тростника настолько сложной, что решение о революционном физическом устранении градоначальника на этом фоне выглядит соблазнительно легко.

Но быть Верой Засулич тоже нельзя. Нужно попросту милиционеров (не говоря уж про градоначальников) на своих роликах объезжать за километр.

Июнь 2007 года

БОРЦЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

У нас со времен Льва Толстого никто не предлагал модели поведения в ситуациях, когда окружающее возмущает тебя. Но это не значит, что модели не существует: быть европейцем в России — вполне достойная среднего класса задача.

Недавно на дорогах Москвы со мной произошел случай, который вполне мог приключиться на дорогах и Питера, и Ярославля, и Ковыкты, и не только со мной, но и с вами, и вообще с кем угодно.

Мы ехали на машине приятеля в умеренно плотном потоке по Садовому кольцу, когда сзади обнаружилось авто из числа Больших Черных Машин — имя им легион. Машина металась из ряда в ряд, не показывая, разумеется, поворота, подрезая всех и всякого, и, пристроившись сзади, стала сигналить ксененом фар (я так полагаю, что мужчине за рулем дико хотелось продемонстрировать, что у него не лампы накаливания, а именно дорогой, голубого спектра свечения ксенон).

— А вот хрен ему, — угрюмо сказал приятель, купивший иномарку гольф-класса в кредит.

— Да пропусти, — посоветовал я.

Большая Черная сзади сигналила в истерике.

— Свинья, — сказал приятель.

Свинья при этих словах метнулась вправо вперед, а потом так же эпилептически дернулась влево в дырочку между нами и шедшей впереди машиной. Приятель двинул по тормозам, и, судя по визгу, то же проделало все Садовое за нами. А свинье хоть бы что: только вылетела пустая пластиковая бутылка из приоткрывшегося на секунду окна. Полетела хрюкать дальше.

В общем, крики приятеля про мочить в сортире, жарить на гриле и призывы купить бейсбольную битку я опушу, потому как после вылетевшей бутылки сам к ним присоединился, за что теперь несколько стыдно. Но я давно искал повод рассказать совершенно другую историю, и вот этот повод нашелся.

История же такова.

Несколько лет назад в Британии, до приезда в которую я был убежден, что это такая чопорная, замороженная условностями страна, у меня со-

стоялся с одним английским господином разговор по поводу того, что такое есть джентльмен.

— Видите ли, Dmitri, — сказал мне мой vis-a-vis. — Gentleman — это тот, кто gentle born, то есть рожден в мягкости, в терпимости. Кто мягок по отношению к внешнему миру, кто принимает все его проявления.

— Хорошо, — гнул я заложенную в России и, как теперь понимаю, дурацкую линию, — а белые носки джентльмен носить может? С костюмом? Разве джентльмен не носит всегда только черные?

— Видите ли, — не моргнув глазом, продолжал собеседник, — костюм вообще ужасно формальная вещь, не обращайтесь на него внимания. Джентльмен носит носки того цвета, какого хочет. Черные носки носит шофер джентльмена.

— Отлично, — не унимался я, — а разве можно представить себе джентльмена в рваных носках?

— Если джентльмен, Dmitri, ходит в рваных носках, значит, у джентльмена сейчас трудный период. Но от этого он не перестает быть джентльменом.

Как видите, абсолютно не понимали мы друг друга: русским и внутри страны, и уж тем более за рубежом свойственны поиски каких-то внешних признаков, образующих решетку, за которую можно посадить любого человека, привинтив табличку и приклеив ярлык. Оттого-то мы столько внимания уделяем одежде, ксеноновым фарам или, допустим, швейцарским часам, которые всегда есть предмет страданий юного Вертера на должности менеджера среднего звена.

Мне же предлагали взглянуть на вид мироустройства, который не отделен от большого живого мира даже стеклом.

Я вспоминаю тот разговор и пишу о нем с исключительно простой целью. Очень многие из людей, переживших большой и тяжелый переход от СССР к России, образовавших и образующих пресловутый средний класс, столкнулись с тем, что принадлежность к этому классу не дает ответа на вопрос о формуле и правилах поведения в своей собственной стране.

Ведь средний класс — это стратификация исключительно по имущественному признаку: квартира, машина, детишки в хорошей школе, утро на даче с зеленой лужайкой, йогурт с живыми бактериями, отдых у моря; средний класс — это классификация для маркетологов.

Но эта консьюмеристская картинка не дает ответа на вопрос, как быть, если сосед, у которого все то же самое, что и у тебя, плюс собачка, опять не убирает дерьмо своей собачки у твоего крыльца. Кто виноват — ясно. Но что делать? С чего начать? Ругаться? Убираться? Травануть твякающую гадину ядом, подсыпав в «Педигрипал»?

Как быть, если старший менеджер вдруг говорит, что в интересах службы отпуска отменяются или что в тех же интересах все скопом должны вступить в единую, справедливую, прекрасную, ужасную или какую-нибудь там еще Россию? Бороться ли против уплотнительной застройки вообще или только когда перекрывается вид на парк под твоими окнами? Прокалывать ли шины мчащимся под теми же окнами в ночи стрит-рейсерами? Класть ли в багажник бейсбольную битку на предмет разговора о правилах хорошего тона за рулем?

Увы: последняя модель поведения в таких обстоятельствах, предназначенная для российского образованного класса, называлась непротивлением злу насилием и была предложена более 100 лет назад Львом Толстым, и жалко, право, что ей мало кто последовал, когда дошло дело до строительства баррикад.

Так вот, у сегодняшнего успешного представителя среднего класса, обнаружившего вдруг, что материальные успехи ничуть не гарантируют ни спокойного сна, ни чистой совести, то есть у россиянина, видящего вокруг себя очень много грязи, хамства, циничнейшей лжи и прочего, что вы знаете не хуже меня, есть вполне перспективная задача: быть европейцем в собственной стране и вести себя как европеец.

Говорю «европеец», а не, допустим, «буддист» (что тоже способ решения проблемы) именно потому, что именно европейская цивилизация с ее и материальным достатком, и терпимостью, и культурой была все-таки уделом мечтаний большинства русских образованных людей — почитайте хоть письма Пушкина к Вяземскому («Ты, который не на привязи, как ты можешь оставаться в России?.. Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры... то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство»).

Быть европейцем, или джентльменом, или подберите какой еще синоним, — это значит быть открытым своей собственной стране, это значит сочувствовать происходящему (когда оно вызывает сочувствие), но не бороться с несправедливостью, пусть даже основанной на насилии, силовым путем. Это значит убирать дерьмо чужой собачки от собственного крыльца, это значит не переставать после уборки дерьма здороваться с соседом, это значит ездить в городе на малолитражной машине, это значит при перестроении показывать поворот, это значит бороться за каждое дерево в общественном сквере и не вступать туда, где думают лишь о карьере, а не о достоинстве человека. Это означает еще и равное отношение к окружающим, что, конечно, легко декларировать, но очень трудно воплощать на самом банальном бытовом уровне, когда дело доходит до таджикского гастарбайтера, московского мента или машины с ксеноном на дороге.

Стать европейцем в России — это значить стать по отношению к собственной стране немножечко иностранцем, в чем, право, нет ничего зазорного: мыслящий тростник всегда иностранен по отношению к окружающей его неживой природе. На то он и мыслящий.

Итак: быть терпимым, мягким, открытым, равным, но открытым к пониманию, при этом еще защищенным от действительности тактикой невмешательства — что может быть прекраснее в данный момент? Я уж молчу про осознание миссии и ответственности (о чем у людей, среди которых мы живем, не принято говорить вслух и, похоже, даже не принято думать) и про определенный труд души, который обычно связан с культурой и который дает наслаждение куда более острое и сильное, чем те материальные чувства, которыми довольствуется абориген.

Хотя нельзя не признать, что те красивые, умные и, ведь самое главное, абсолютно правильные слова, которые я написал во многом для нас, для нынешнего взрослого российского поколения, обречены остаться словами. И я тут, увы, не исключение. Моя бейсбольная бита всегда со мной (я и не покупаю ее потому, что боюсь пустить в ход). Но есть новые поколения, и есть растущие дети, которым до известного возраста свойственно слушать нас просто потому, что мы старше: и вот здесь-то и есть настоящее поле битвы, потому что мы обязаны их растить джентльменами. Дети имеют право быть *gentle born*.

А потом, став взрослыми, они скажут: привет, родители, мы понимаем, вы прошли перестройку, коррупцию, ментуру и ад на дорогах, но мы хотим жить по-другому, то есть без всего перечисленного. Гуд-бай, нам не нужны ваши банковские счета и квартиры.

И уйдут от нас. Но будут приходить в гости, потому что все-таки какие-то правильные слова мы им говорили, проповедуя мягкость.

Так что надежда есть, и правильные слова надо говорить, а битку не надо покупать.

Пару лет назад мой ребенок, тогда еще живущий вместе с нами, смотрел программу, как сейчас помню, на НТВ про группу «Ласковый май» и возвращение Юры Шатунова. «Целлулоидный пупс», «сладенькая кукла» — твердил и твердил ведущий на фоне старых шлягеров «Эта седая ночь, лишь тебе доверяю я» и, разумеется, «Белые розы». И тут ребенок, на дух не переносящий попсы, выключил телевизор, сказав:

— Зачем они над ним издеваются? Ведь про что он пел — это было так трогательно! Зачем над тем, что трогательно, смеяться?

Я же говорю: есть надежда.

Июнь 2007 года

КАК ЖИТЬ В МУЗЕЯХ

Меня как петербуржца могло бы не волновать, что Москва перестала быть историческим городом (здесь есть что делать, но не на что смотреть: все — новодел). Но весть о пятом избрании Юрия Михайловича Лужкова столичным мэром застала меня в Италии.

Я только что провел неделю во Флоренции: там шла знаменитая выставка моды Pitti Immagine Uomo; меня пригласили.

Утром я ходил по бесконечным павильонам, заселившим до краев старую крепость Фортецца да Босса, и понимал, что счастье на земле есть и оно материализовано в прекрасных, как утро влюбленного мужчины, пиджаках Cantarelli, а после обеда тихонечко исчезал в город. Где застывал от восторга уже в Капелле Волхвов во дворце Медичи-Рикарди, этой волшебной шкатулке, расписанной Беноццо Гоццолли; и почти час рассматривал чеканные лица в невероятных уборах, эти отстраненные, не пересекающиеся с тобой взгляды пажей, все эти картинки, которые в детстве показывала мне в альбоме мама. Только тогда я не знал, что на шкатулке изображено византийское посольство 1439 года: последняя напрасная, но прекрасная попытка объединения католицизма и православия; что надменный юноша с живым леопардом на лошади, по имени Джулиано Медичи, будет убит вскоре неподалеку, на ступеньках собора Санта-Мария дель Фьоре, того самого, с куполом-яйцом Брунеллески...

Знание истории, соединяясь со старыми камнями, дает наслаждение абсолютно чувственное, не меньшее, чем алкоголь или любовная страсть, — каждый, кто это хоть раз испытал, поймет, о чем я говорю. Я простоял в крохотной капелле минут сорок и — о чудо! — в одиночестве, несмотря на высокий туристский сезон.

А еще во Флоренции мы играли. Сложилась у приехавших сюда за счет итальянского налогоплательщика русских — байеров, журналистов (такова уж для итальянцев важность выставки Pitti Immagine) — сама собой игра. После очередного показа мы окидывали взором мир окрест и спрашивали друг друга: «А представляешь, если бы мэром Флоренции был Лужков?» — «Mamma mia!»

Нет, ну на минуту поставьте себя на наше место. Вот вы на приеме, устроенном патриархом моды Роберто Капуччи, на вилле Бардини, на высоком левом берегу Арно — том же, где дворец Питти. В залах старого дома выставлены запредельной красоты платья. Из этих залов с бокалом шампанского вы спускаетесь в прекрасный сад, любясь садящимся в sfumato солнцем и видом на город. Вот галерея Уффици. Вот вдоль Арно вышагивают белые цапли. Вот внизу района Ольтранно стоят бедняцкие дома с сушачимся в окнах бельем, однако они тоже прекрасны, потому

что это старые дома, они многое помнят. И тут вы задаете друг другу вопрос: «А вот что было, если бы мэром Флоренции был Лужков?» — и заходите в гомерическом хохоте. «Палаццо Строццо?» — «Сначала он бы сгорел, потом воспроизвели бы в монолите и устроили мегамаркет!» — «Санта-Мария Новелла?» — «Рядом начали бы уплотнительную застройку, собор пошел бы трещинами, воспроизвели бы в монолите, устроив подземный паркинг!»

И уж совсем истерика с нами случилась, когда мы представили, что сделал бы Лужков с Понте Веккьо, самым древним сохранившимся мостом Европы, построенным в 1345 году. Понте Веккьо и сегодня, как 660 лет назад, застроен угрожающе нависающими над водой лавками в несколько уровней, и даже дилетант легко представит, как это впечатляюще выглядит, если удосужился посмотреть «Парфюмера».

Нас и вправду корчит от смеха: ведь невозможно вообразить, чтобы сегодняшняя московская (а шире — российская) власть не признала бы аварийной и не потребовала бы немедленного сноса рухляди, что мокнет в воде шесть с лишним веков! Не Лужков с аварийностью — так Митволь с водоохранной зоной. Что, спрашивается, париться по поводу истории? Прикажут — перепишут. И воспроизведут в монолите. Тем более история у итальянцев нам не нужна. Вот, скажем, устроил Козимо Медичи, герцог Тосканский, в XVI веке внутри моста крытый переход, чтобы ходить в гости к сыну на другой берег. А проход, ныне известный как коридор Вазари, пришлось сделать кривым, потому как какие-то граждане, проживавшие на линии его прокладки, наотрез отказались жилплощадь освобождать. И вот — представляете?! — всеильные Медичи ничего не смогли с бунтовщиками поделать. Их бы да в Южное Бутово! (Новый взрыв хохота.) И вос... (смех) про... (хохот) извести... (ой, мамочки!) в моноли... (ой, ой, ой!).

* * *

Вечером мы идем на показ белья от Биккембергса. (В здании бывшего вокзала человек пятьдесят мужиков в белых трусах картинно застыли на подиуме, изредка меняя позы под «Лебединое озеро». Когда Чайковский сменяется прогрессив-хаусом, в зале гаснет свет, и в бликах фотовспышек становится ясно, что мужики снимают трусы. Женщины радостно визжат. Когда свет включается, видно, что белые лебеди сменились черными: в смысле цвета трусов.) Мы ходим вокруг подиума опять же с шампанским, испытывая чувства, которые испытывала, должно быть, рыба в СССР по четвергам, когда был рыбный день, а потом отправляемся гулять по городу.

Наша гостиница — на окраине, у старых городских ворот. Идти до окраины минут 15. Флоренция — город маленький. Пять веков назад —

то есть тогда, когда на местный базар нельзя было зайти, чтобы не наступить на ногу либо Микеланджело, либо Караваджо, — здесь обитали 200 тысяч человек, а сейчас всего в два с половиной раза больше. Зато туристов приезжает каждый год по пять штук на местного жителя.

Туристы — народ восторженный, но глупый. Им подавай непременно вековую седину, старые фрески, они без ума от Леонардо и Бронзино, от странных историй и темных времен. А обмануть народец ничего не стоит. Видел я, как в Москве туристы охали у фальшивой Иверской часовни (воспроизведена в монолите) и якобы Китай-города (аналогично). Да я и сам охал, приняв по глупости в Риме возвышающийся над Форумом многоколонный монумент Витторио Эммануила (новодел, историзм, конец XIX века) за камни Возрождения. А мой гид ужасно смущался и говорил, что «эту пошлость» сами римляне презрительно называют «пишущей машинкой».

Собственно, чтобы предотвратить обман дилетантов, не так давно архитекторы мира подписали так называемую Венецианскую хартию (Россия, кстати, к ней присоединилась). Суть в том, чтобы защитить историю от подделок. Когда старые камни рушатся, их нельзя заменять копией. Если Колизей и Форум погибли, можно либо демонстрировать их могилу, либо строить на могиле, условно говоря, небоскреб. Что тоже есть памятник времени, только другому. Но возводить копию Колизея — нельзя, как вывешивать, скажем, в Уффици фальшивого Караваджо, прикрываясь тем, что оригиналы велел сжечь Савонарола. (Тоже, кстати, был мэром Флоренции, а также резонером, тираном и занудой. Через год недовольные сограждане его сожгли.) Историческая подлинность состоит в том, что история не переигрывается назад.

Ни в монолите, ни в кирпиче и ни за какой бюджет.

* * *

А еще, гуляя, мы говорим о том, что Лужков (что де-факто давно не имя, а торговая марка столичного стройкомплекса), надежда и гордость москвичей, лишил их — и поделом, коль так монолитно его переизбирали, пока еще можно было избирать, — той Москвы, про которую когда-то написал Давид Самойлов: «Снега, снега, зима в разгаре, светло на Пушкинском бульваре, заснеженные деревья, прекрасна в эти дни Москва. В ней все уют и все негромкость». В Москве не осталось соразмерного человеку района: она теперь — сплошной офис, соразмерный занимающим его корпорациям. (Лужков ведь, если не ошибаюсь, сказал, что в центре не должно остаться пятиэтажных домов? — Правильно, скоро и не останется. Он ведь сказал, что «сталинки» будет сносить? — Правильно, и снесет, и воспроизведет.)

А в офисе туристу делать нечего. На весь осмотр столицы РФ сегодня нужен максимум день: меньше, чем на Суздаль. Красная площадь, Кремль,

Третьяковка — и все. Прочее либо торговые комплексы, либо фальшак. Ведь фальшак — храм Христа Спасителя, фальшак — упомянутая Иверская, фальшак — Манеж, фальшаком будет Военторг. Символ сегодняшней Москвы — фальшиво признанная аварийной и воспроизводимая (в монолите) фальшивая гостиница «Москва» (а федеральный символ — незаконно перестраиваемая «Россия»).

В Москву туристу если и есть смысл приезжать, то как в Лас-Вегас, с его имитациями мировых шедевров. И не парадокс ли, что Лужков требует вывести из Москвы казино?

И мы, наслаждаясь прогулкой вдоль Арно, решаем, что это он на публику бла-бла-бла. Не выведет. Воспроизведет. В монолите. В Москве сегодня можно жить, только чтобы зарабатывать крутые деньги и круто их тратить.

Не было в Москве праздника смешнее, чем 850-летие Москвы.

Это праздник новодела, прикидывающегося старым городом. Истории у Москвы больше нет.

* * *

Уже сворачивая к гостинице, мой собеседник, знающий Италию не в пример лучше меня и куда больше здесь живущий, говорит, что понимает любовь москвичей к Лужкову.

Большинству, говорит он, трудно жить в европейских исторических городах. В Венеции, с ее сыростью и гниением каналов, не осталось итальянцев. Там покупают недвижимость американцы, англичане и русский художник Андрей Бильжо. А аборигены живут на берегу лагуны, в Местре, потому что не хотят поступаться удобствами жизни ради Большой Истории. И вопрос не в том, чтобы упрекать людей, что они разменяли историю на удобства, а в направлении исхода.

В Европе, продолжает он, вслед за Америкой случилась suburban revolution, революция пригородов, когда средний класс из Парижа, Рима, Флоренции, Барселоны стал перебираться в домик с лужайкой в пригороде. Все, что потребовалось для революции, — это строительство пригородных дорог и коммуникаций. В России же с коммуникациями известно что. Вот удобства и стали создаваться прямо на старых камнях.

— Ты понимаешь? — спрашивает он.

Я машинально киваю. Я не москвич, я петербуржец. Мне легко подчинять жизнь истории, потому что жизнь в Петербурге означает подчинение хотя бы графику разводки мостов.

Я знаю, что в Петербурге в последние годы риелторы делят квартиры в центре на два типа: «московский» и «иностраннный». «Московский» — это когда монолит и подземный гараж. «Иностраннный» — это когда сохранились лепнины и печи. Второй тип приводит в восторг европейцев, первый скупают с инвестиционными целями москвичи.

Я обойдусь без подземного гаража: не может быть подземного гаража под работой Трезини. Зато в моем окне Петербург ровно в том виде, в каком он существует все последние 300 лет. Сммотришь в окно — видишь золотой сон.

— А представляешь, если Лужков — губернатором в Питер?! — выводит меня из задумчивости приятель.

Я вздрагиваю.

Июль 2007 года

ВПОЛНЕ ДОМАШНИЕ ЦЕНЫ

Удивительная вещь: прогнозируя вроде бы начинающееся снижение цен на жилье, мы толкуем о законах рынка. Когда же вспоминаем ценовой спурт прошлого года, про рынок не заикаемся.

Мой знакомый риелтор настоятельно советует продать одну из петербургских квартир.

— Мы падаем по тысяче в неделю, — говорит в легком ужасе он.

Коли так, то купленная для тещи старая петербургская двушка, стоящая ныне примерно 160 тысяч долларов, за год подешевеет до 110 тысяч. Если, конечно, верить моему риелтору.

Но я не верю, и не только потому, что покупал квартиру в свое время за 16 тысяч. А потому, что закон баланса между спросом и предложением действовал и год назад. Спустя который московская недвижимость подорожала на 60 процентов, а петербургская — на 115. И примерно в тех же пределах повсюду — от Брянска до Благовещенска.

Моя мысль проста: если рост цен на жилье не объясним формулой «спрос—предложение» (не вдвое же за год выросли доходы? не вдвое же — население? не вдвое же стало меньше квартир?), — так вот, если рост цен был внерыночным, то почему мы считаем, что падение будет следовать рынку?

То есть, чтобы понять, как будут — если будут — снижаться цены на жилье, сперва нужно понять, почему они так росли.

И вот тут выяснится примечательная вещь. Необъяснимый, кажущийся уникальным рост цен происходил не только в России. Вот данные Global Property Guide: в 2006 году рост цен на недвижимость в Эстонии составил 54 процента, в Дании — 23 процента, в Швеции — 14 процентов. Вот официальная статистика Казахстана: с марта 2006-го по март 2007 года цена квадратного метра выросла на 44,7 процента (в Алма-Ате — на 94,8 процента). Вот данные МВФ (в изложении Би-би-си): с 1997 года в Вели-

Кобритании, Испании, Ирландии и Австралии цены на дома выросли по меньшей мере в полтора раза. Вот рассказ коллеги, владельца домика в Черногории: «Недострой, который пять лет назад только идиот купил бы за 30 тысяч долларов, прошлой весной отлетел со свистом за 200 тысяч». Нужно признать две вещи.

1. Рост цен на жилье, в разы превышающий инфляцию и доходы, идет во всем мире.

2. Никакой милой русскому уху формулой «В Лондоне дорожает, потому что наши скупают» это явление не объяснить.

Объяснений же мне известно три.

1. Новая геронтократия

Недавно в Петербург приезжал француз Жан Кастаред. В провинции Арманьяк ему принадлежит винное хозяйство Манибан, а Шато-де-Манибан — это, пожалуй, арманьяк № 1 среди арманьяков. А еще этот склонный к аналитике господин занимается изучением рынка роскоши: его последняя книга *Le Luxe* только что издана во Франции и, без сомнений, пошла бы нарасхват у нас. Месье Кастаред сказал приблизительно следующее. Россия включается в процесс, начавшийся в Европе со взрослением поколения бебибумеров. Приняв из рук отцов восстановленную Европу, эти люди не желали следовать пути родителей, то есть при выходе на пенсию превращаться в бабулей и дедулей и, связав на спицах носок и покачав на ноге внука, по-быстрому отойти в мир иной. Сегодняшние 60-летние европейцы всю жизнь следили за здоровьем, а деньги вкладывали в акции и недвижимость. А затем пришли к выводу, что удовольствие обладания недвижимостью выше ее капитализации. Иметь два-три дома в разных странах или городах — сегодня это удел европейских пенсионеров и предпенсионеров, причем никаких не Ротшильдов, а обычных середнячков. Эти дома выведены с рынка: они пустуют по 11 месяцев в году, они не поступают на рынок через механизм наследования (нынешние пенсионеры намерены жить вечно). Опыт инвестирования позволяет бебибумерам распознать недооцененное жилье в каком-нибудь медвежьем углу, в той же Черногории или Испании, и вот уже поселившаяся на побережье стая богатых пенсов толкает цены в заоблачную высь: у Уэльбека это хорошо описано.

Сегодняшний мир, продолжает господин Кастаред, — это новая геронтократия, власть чувствующих себя молодыми стариков. У молодых возможность добиться сходных материальных благ минимальна: подорожал, что называется, входной билет. Абсолютно то же происходит в России, с той поправкой, что здесь роль европейских стариков выполняют 40-летние. Это они в смутные времена сумели, экономя и перезанимая, приобрести за тысячи долларов недвижимость, стоящую теперь сотни тысяч, а

потом освоиться на рынке, застолбив лакомые места. И через 20 лет они будут первыми российскими пенсионерами, желающими наслаждаться, а не добиваться инвалидности ради грошовой прибавки к «пенсии».

Этим новым старым будет плевать на колебания цен на рынке. Вовремя прикупленная земля на Рублевке, квартира в Крылатском, гарсоньерка в Питере, кондоминиум в Сиджесе — все для себя.

— И что делать молодым? — спрашиваю я, понимая, что у молодого москвича со средней московской зарплатой сегодня нет ни малейшего шанса стать собственником квартиры в Москве — точно так же, как в Лондоне у лондонца.

— Арендовать, — говорит месье Кастаред. — Или же революцию.

2. Вложение в будущее

Однако есть и другая теория. Суть в том, что главный страх среднего класса — лишиться здоровья и дохода, оставшись беспомощным в старости. Этот страх, расплывшийся по стране после распада СССР, многократно возрос. Даже если ты зарабатываешь десяток тысяч рублей (в день), даже если платишь все до одного налога, твоя пенсия составит около трех тысяч рублей (в месяц). И страх очутиться на этом пайке отравляет жизнь самого процветающего господина.

Тот, кто покупает недвижимость, на самом деле инвестирует в счастливую старость — что, кстати, коррелирует с теорией г-на Кастареда. «Когда-нибудь я перееду за город, а городскую квартиру сдам» — вот формула, которую на практике осуществляют сотни тысяч никаких не Абрамовичей, а наших с вами соседей. Есть и более сложные расчеты. В Петербурге, например в новостройках бизнес-класса (монолитный железобетон + подземный паркинг), от четверти до трети инвесторов — москвичи: на берегах Невы прошлогодний скачок цен последовал с трехмесячной задержкой по отношению к Москве-реке, а квадратный метр до сих пор вдвое дешевле.

И до тех пор, пока пенсионная реформа в России не будет проведена, обкатана и пока в нее не поверит российский средний класс — он будет стремиться в квартирновладельцы с удвоенным по отношению к европейскому энтузиазмом. С соответствующей интенсивностью толкая цены на квартиры вверх.

3. Всеобщий эквивалент

Есть, наконец, еще одно объяснение, почему во всем мире собственники жилья не спешат с ним расставаться, а число желающих стать новыми собственниками стремительно растет, разогревая цены.

Жилье стало сакральной ценностью, обладание которой позволяет ощущать себя богачом.

Мировая экономика знает немало подобных вещей, цена на которые зиждется не на потребительских свойствах, а на всеобщей договоренности о том, что именно эти вещи необычайно ценны.

Характерно, что в закрытых экономиках складываются свои договоренности: в СССР хорошую библиотеку можно было обменять на «Волгу», которую, в свою очередь, можно было обменять на квартиру. Так же в СССР поклонялись хрусталу, полированным гарнитурам и коврам на стене: они приносили обладателю столько же удовлетворения, сколько верующему — вера.

Сейчас место сверхценности и главного эталона заняла недвижимость. Она и есть всеобщее мерило успеха в жизни, а вовсе не золото и бриллианты. Хотя бы потому, что похвастаться обладанием «металлическими» банковскими счетами в приличном обществе трудно, а вот мимоходом сказать, что «прикупил тут себе небольшую квартирку, ванная с окном плюс место на паркинге, и как раз до роста цен», очень даже можно, и с превеликим удовольствием.

Так что пусть дилетант твердит о перегреве рынка: перегрева святых икон не бывает. Случается так, небольшая коррекция веры.

Что дальше?

А ничего. В реальности сегодня и в Петербурге, и в Москве — да и, вероятно, по всей стране — идет игра в сиделки. Загляните на сайты крупных агентств, дающих аналитику: «Квадратный метр в Москве подешевел за 6 месяцев на 1,1 процента». Господи, да это же в пределах статпогрешности! Сейчас кто кого пересидит: покупатель или продавец. Затишье после бури. Покупатели не желают покупать, а продавцы не желают уступать.

Иногда сделки проходят на условиях покупателя, потому что в жизни случаются разводы, проблемы и требующие оплаты долги. Так начинаются разговоры о снижении цен. А иногда — на условиях продавца, потому что одобренные заявки на ипотечный кредит имеют ограниченный срок действия, а, как поет группа «Високосный год», время не ждет.

Но Россия — часть мира, а тенденция в мире одна: жилье дорожает, что бы ни говорили знакомые риелторы. Тем более что ни Кострома, ни Ярославль, ни Новосибирск, ни даже Петербург пока еще не достигли уровня цен какой-нибудь Памплены. И даже Москва, между нами, пока еще не догнала Лондон, где житель тратит на accommodation, жилье, в среднем 50 процентов дохода.

Но, я так полагаю, будет догонять.

Потому что 30-летние, дышащие в затылок 40-летним, тоже ведь хотят гарантий безоблачной старости и счастливого владения миром.

Июль 2007 года

БАЛЛАДА ОБ АВТОМОБИЛЬНОМ УГОНЕ

Самонадеянность должна быть наказуема. Мне наказанием были потерянные 2962 рубля 60 копеек и 4 часа времени: у меня исчезла машина. С платной стоянки на площади трех вокзалов.

У среднего класса в чести экономия. Я вот знал, например, что, уезжая в Петербург, глупо оставлять машину на стоянке за шлагбаумом у перрона: обойдется в 800 рублей за ночь. Шлагбаум чуть поодаль снижает цену до 500. Но парковаться нужно, разумеется, не за ним, а рядом, где призвано машут руками парковщики в униформе: ночь тогда будет стоить 300. И квитанция на руки, чинчинарем.

Тогда я не знал, что махальщиков заступает на работу 12 человек в смену, или 24 в сутки, и каждый в конце работы обязан отдать бригадирю 2 тысячи рублей, итого 48 тысяч за день — неплохая прибыль с торговли воздухом, ибо ни парковщики, ни их бригадир, ни тайный владелец никакого права парковочным бизнесом заниматься не имеют, а пресловутые квитанции покупают оптом по 500 рублей за 100 штук.

Об этом мне рассказал мой новый друг Эльмар, и абзацем ниже я вас непременно с ним познакомлю.

А пока — вот моя ситуация. Неделю назад замечательным утром я возвратился «Красной стрелой» в Москву. Настроение было прекрасным, как прекрасным оно становится всякий раз, когда на перроне звучит гимн столицы нашей Родины, в котором особо радует рифма поэта Газманова «По просторам твоих площадей/ Шагают шеренги бойцов». Летящей походкой я направлялся в сторону 300-рублевого паркинга, не обращая внимания на настойчивое: «Эй, друг, машин нэ нада?» — и лишь отмечая с удивлением, что обычно суетящихся парковщиков что-то не видать. А потом я понял, что моего авто не видать тоже. И тут я с ужасом осознал, что «машин нада». Пусть даже то, что Эльмар называет «машин», является ветхим «Жигулем». «Что, друг, пропал машин? Нэ волнуйся, щас найдем! Есть три мэста, куда эвакуируют! Нэ волнуйся, я каждый дэнь чужой машин нахожу! Меня Эльмар зовут!» — кричал Эльмар.

То есть я, без сомнения, попал в ад, но Вергилий у меня тоже был.

* * *

Когда человек неправильно паркует машину, ее отвозят на штрафстоянку, это называется эвакуацией. Когда человек оставляет машину на парковке, а машину отвозят неведомо куда, это, по-моему, называется угонем, даже если угон осуществляет ГИБДД. А вот как назвать процесс, когда под носом ГИБДД работают фальшпарковки, с которых потом машины эвакуируют, я не знаю.

Понятно, поначалу я ворвался в будку той парковки, что за шлагбаумом, и стал что-то наивно орать полусонному детине, который и объяснил, что у него я машину не ставил, а другой парковки рядом нет. Как нет?! А так, совсем нет. Но ведь люди в униформе с надписью «парковка» руками машут? Так бог его знает, что это за люди, может, они с бала-маскарада. А, говоришь, квитанцию за парковку тебе дали? А удостоверение президента страны не дали? Ну-у-у, тогда извини...

Еще я опузу, как звонил в милицию, как там дали телефон, как этот телефон был занят, а потом не отвечал, а потом смурной дядька сказал, что компьютер у него завис, и предложил перезванивать.

И я перезванивал и перезванивал, а Эльмар, про которого в ту секунду я еще не знал, что это Эльмар, ходил вокруг меня, как щука возле карася. А потом у меня сел телефон, и я сдался на милость Эльмара. Он достал свой мобильник, набрал какой-то волшебный номер, и через секунду дама с приятным голосом сообщила мне, что моя машина находится на штрафстоянке на Бауманской, а штраф мне выпишут на Ново-Битюринской.

— Где это, Ново-Битюринская?

— Ну... если вы по карте поедете, то там ее вообще нет, на карте она у вас обозначена как Проектируемый проезд.

— Эльмар, где этот Проектируемый проезд?

— В заднице, мамой клянусь! Эльмар все знает!

* * *

Человеку, у которого в Москве эвакуируют машину, будет полезно знать следующее. Штраф за неправильную (в моем-то случае?! Впрочем, что спорить...) парковку составит 100 рублей. Первые сутки хранения на стоянке — вообще бесплатны. Но прежде чем отдать 100 рублей и забрать машину, вы, по мудрому замечанию Эльмара, должны еще познакомиться с задницей.

Для плохо знающих столицу: улица Бауманская, где покоится на штрафстоянке машина, расположена в километре от вокзала. Но улица Ново-Битюринская, где выпишут штраф и дадут разрешение забрать машину, находится за пределами человеческого разума.

— Тут ночью жють как ехать! Фонарей нэт, огней нэт! Ты нэ расстраивайся, ты нэ один такой! Вот, гляди, слэва тюрьма мэстный жэнский... Тут ночью девушку вез, она говорит — стой, вылезу, дальшэ боюсь! Я говорю — нэ бойсь, кто за тэбя взятку будет мэнтам давать?!

— Какую взятку, Эльмар? Штраф — 100 рублей, штрафстоянка — бесплатно.

— А мы с дэвушкой приехали, очэрэдэ чэлавэк пятьдэсят! Она говорит: вот, Эльмар, три тыщи! Я дал мэнтам три тыщи, сразу все выписали! Я там ночных мэнтов знаю, знаю, кому дать! А если ты русский, они дэньги нэ

возьмут! Нэ хотят под статью! А у черного возьмут! Потому что у мѣня прав нет, я на них нэ заявлю!

Я поглядел на часы.

— Эльмар, а дневные менты у тебя знакомые есть?

— Дневных нэт... — загрустил Эльмар, но через пять минут вдруг радостно засветился: — Павезло, дарагой! Пасредников нэт! Значит, очѣреди нэт!

Я поднял голову. На гигантском здании, выросшем на краю Ойкумены, способном разместить если не «Мегу», то «Ашан», значилось: «Городская служба перемещения транспортных средств».

* * *

Таким бедолагам, как я, для ожидания в колоссальном здании полагалась комнатенка с двумя хромоногими стульями. Из четырех окошек работало одно. Бедолаг было шестеро.

В этот момент из какой-то двери вынырнул образцовый гаишник с необъятным, как пушкинский дуб, задом:

— Больше двух в помещении не скапливаемся! Дышать нечем! — Он достал сигарету.

Мы вышли на улицу, радуясь, что не дождь и не зима.

Через 52 минуты наглухо затонированное окошечко на секунду отворилось, меня спросили:

— Возражения есть?

— Никак нет, — отрапортовал я бодро.

— Тогда штраф платите в течение месяца в Сбербанке и привозите квитанцию к нам.

— Как — к вам?!!!! — просипел я, но новый бедолага уже рвался к окну.

* * *

По пути на штрафстоянку я расспрашивал Эльмара о механизме увозов. Все началось, по его словам, несколько лет назад, после крутой разборки ментов с «дагестанскими и еще немного с татарскими». После чего парковки со шлагбаумами отошли к ментам, а территория вне их была отдана на откуп «дагестанским» (и, вероятно, еще немного татарским). Но в последнее время коррективы вносят эвакуаторы: в ночь с пятницы на субботу, когда главные поезда отбывают на Неву, лжепарковщики разбегаются, а запаркованные под их надзором машины начинают увозить. Правда, «крутые» машины, то есть со всякими нужными буквами и цифрами в номерах, эвакуаторы не трогают, а лишь перемещают в сторонку. Некрутые люди возвращаются в понедельник, когда первые бесплатные сутки нахождения на штрафной истекают. И когда ищущих свои машины набирается столько, чтобы образовать очереди на выписку штра-

фов, начинают работу посредники. Вот так и вертится это колесо, набирая обороты: два года назад взятка за быстрое освобождение была 500 рублей, когда я пишу — уже 3 тысячи, а когда вы читаете — наверняка больше.

* * *

Ну а дальше все было уже совсем просто. На штрафстоянке выписали квитанцию в размере 1320 рублей и отправили в Сбербанк, где очередь из стариков на костылях тянулась к кассе (стульев, понятно, в отделении не было). Через 30 минут я протянул операционистке квитанцию, куда собственной рукой вписал 96 цифр, означающие БИК, ИНН КПП, Л/С, Р/С, ОКАТО, поскольку в Городской службе перемещения транспортных средств заполненных квитанций, разумеется, не выдавали. Квитанцию пришлось переписать, потому что в паре цифр я все же ошибся. Безногие за моей спиной терпеливо ждали, и я в который раз подумал, что Сбер, заставляющий посетителей не сидеть, а стоять у окошечек, наверняка имеет тайной целью уверить население, что жить нужно быстро и умирать молодым — чтобы не встречать в таких мучениях старость. А еще с меня взяли 42 рубля 60 копеек комиссионных, потому что стоянка относилась к другому району, чем отделение банка.

Но все же через 4 часа после начала я гордо протянул все бумажки в окошечко тете на штрафстоянке. Подоконник перед окошечком был исписан шариковой ручкой, включая «Ждал вас, с... целый час» и «Менты — п...сы».

* * *

Ну вот, а теперь пару слов об Эльмаре.

Каждые три месяца он уезжает из России, чтобы получить штамп в паспорт о пересечении госграницы: 3 месяца после этого он имеет право в нашей стране проживать. Один штамп ему ставят бесплатно в городе Белгороде наши погранцы, а второй — в городе Харькове за взятку в 50 долларов украинские. Временную прописку на 3 месяца за 3 тысячи рублей ему делает одна женщина из Люберец, хотя могут сделать за те же деньги и менты.

А живет Эльмар с тремя земляками в однокомнатной квартире у МКАД, но теперь, когда эвакуаторов стало больше, думает улучшить условия.

Взял с меня Эльмар за 4 часа работы 1500 рублей.

На эти деньги, сказал он, в столице его республики четыре человека могут «кушать плов, кушать шашлык и смотреть танец живота в самый дорогой ресторан».

Я же завершаю историю, где описательная часть должна перетечь в вывод.

Вывод, по-моему, таков. Как бы ни была ужасна действительность, на какие бы мучения ни обрекала нас власть, сходная, по определению Мандельштама, с руками брадобрея, всякая мерзость у нас теперь немедленно обрастает маленьким бизнесом, с которым, глядишь, все не так уж и мерзко.

Потому что мы, русские, очень-очень пластичный народ, и даже когда не хватает собственных сил — тут же пристраиваем к бизнесу Эльмаров. То есть, как говорится, — слава России!

Июль 2007 года

МАРШ КАПИТАЛИСТОВ

Капиталистов в России больше, чем принято думать. Потому что капитал — это вложение сил, средств и работы ума в то, что со временем не просто окупится, но окупится многократно. Причем не обязательно в материальном смысле.

Недавно профессор Уорвикского университета, член палаты лордов британского парламента Роберт Скидельский поделился примечательным наблюдением: «Труд вознаграждается меньше, чем капитал».

К такому выводу он пришел, сравнивая растущий разрыв в оплате труда рядовых сотрудников и топ-менеджеров: по мнению сэра Роберта, управленцев владельцы бизнеса все чаще рассматривают как партнеров, давая им все большую долю в прибыли. Скажем, в Британии доходы топ-менеджеров растут на 20 процентов в год, а рядовых сотрудников — на 4–5 процентов. В США доходы гендиректоров превышают доходы подчиненных в 400 раз, а еще 10 лет назад превышали всего в 90. Но вывод и без этих примеров кажется настолько очевидным, что в своей простоте ошеломляет.

И в самом деле, капитал большинства россиян — их квартиры, дачи, гаражи, земельные наделы, их акции и доли в ПИФах, их бизнес, наконец, — перевешивает все их суммарные зарплаты, премии, бонусы, гонорары и прочий доход по труду. У меня, во всяком случае, перевешивают. Попробуйте совершить аналогичный подсчет для себя — уверяю, увлекательнейшее выйдет предприятие!

Даже у тех, кто застыл во временах СССР, не адаптировавшись к новой реальности, есть возможность приватизировать старую государственную квартиру, обратив ее в частный капитал. Стоимость этого капитала почти наверняка перевесит все полученные во времена СССР зарплаты, даже если их пересчитать по забавному официальному курсу 64 копейки за доллар.

Если перевести это теоретическое наблюдение в практическую плоскость, то получится следующее. Те, кто тратят сегодня деньги на потребление, — они их просто тратят, а те, кто превращают деньги в капитал, — получают назад многожды умноженное. Что даже по форме своей звучит как библейская притча о сыновьях и даденных им отцом таланах.

Причем — это я уже от себя, а не от сэра Роберта прибавляю — капитал может быть разного свойства, не обязательно финансового. Здоровье — тоже капитал, как и образование, как и опыт жизни в другой стране, как и владение иностранным языком, леньность в отношении которого обычно оправдывается формулой: «Вот понадобится, тогда и выучу, а сейчас куда он мне?» (Кстати: а правда, куда? За все профессии не отвечу, но журналист без иностранного не сделает, например, карьеры главного редактора в глянцево-м журнале: почти все они издаются по лицензии, поддерживая постоянную связь со штаб-квартирой в Лондоне или Нью-Йорке. Даже ассистентка в редакции должна говорить по-английски, чтобы не обмшуриться с «хеллоу, общежитие слушает».)

Казалось бы, если труд приносит меньше, чем капитал, то конвертируй как можно быстрее в капитал свой труд: это так же верно, как конвертировать доллары в рубли при падающем долларе, и наоборот. Но, тем не менее большинство предпочитает не инвестировать, а потреблять.

Простой пример. До прошлогоднего скачка цен на рынке недвижимости Петербурга были в продаже так называемые реалы — крохотные квартир-студии площадью 24 квадратных метра, стоившие 24 тысячи долларов. Разбирали их со скрипом (реалы считались жильем непрестижным, годящимся разве тем, кто «понаехали тут»), и девелопер шел на маркетинговый трюк: предлагал беспроцентную рассрочку на 24 месяца. Я не утверждаю, что 24 тысячи долларов — маленькая сумма, но все же с учетом рассрочки для многих подъемная. Примерно столько же в то время стоила, скажем, Toyota Camry. Однако жители города Петербурга тратили деньги куда более охотно на престижные в их глазах иномарки класса D, чем на какие-то там гастарбайтерские реалы. Ну и сравните теперь инвесторов с потребителями. Бывшие реалы на вторичном рынке торгуются от 60 тысяч. Купленные в то же время автомобили стоят максимум 15 тысяч долларов.

Я этим примером ничуть не думаю позлить владельцев подержанных авто. В конце концов, вложения в автомобиль — тоже инвестиция: по меньшей мере в свободу передвижения (вопрос — прибавляет ли что к этой свободе представительский класс машины). Просто за этой картинкой стоит важный экономический механизм. Дело в том, что капитал сам собой увеличиваться не может. Капитал — это ведь следствие перераспределения денег, правда? Если все получают за труд не деньги, а фанти-

ки, неоткуда взяться и капиталу. Кто, спрашивается, стимулирует преимущественный рост капитала по отношению к росту зарплат?

Тут, возможно, заканчивается сфера моей компетенции и начинается сфера компетенции даже не Роберта Скидельского, а Карла Маркса, но одно подозрение у меня все же есть. Доход капиталистов — в смысле всех обладателей хоть какого, но капитала — стимулируют те, кто свой доход тратят не на капитал, а на потребление. Владельцы престижных автомобилей из своего кармана оплатили рост капиталов владельцев непрестижных квартир.

То есть тот, кто улучшил свое материальное положение и бросился деньги тратить, по-детски радуясь тому, что теперь доступны и телевизоры с большими экранами, и новая мебель, и вообще все то, что раньше так раздражало в витринах и в рекламах, — вот он в конечном итоге и кормит, и возвращает капиталы капиталистов.

В принципе сердцем я могу понять людей, которые так радостно, но так инфантильно соряют деньгами. Рост дохода всегда вызывает ощущение, что будет длиться вечно, я сам через это проходил. И только изменение условий — скажем, потеря работы — хорошо отрезвляет, подводя к необходимости воспитания потребностей и вкуса, к финансовой самодисциплине, к планированию будущего, к ответственности за последствия трат.

Было время, еще при Горбачеве, когда ивановским текстильщикам разрешили напрямую продавать продукцию за рубеж. Тогда на ивановские ситцы был спрос. И текстильщики поверили, что так будет всегда. Они не стали вкладывать деньги в развитие дизайн-бюро, не стали закупать станки, ткущие широкое полотно, к тому времени повсеместно вытесняющее прежнее узкое. Вместо этого они накупали за доллары импортных шмоток и всякой бытовой техники, чтобы потом ткачихи могли за небольшие рубли их купить у себя на фабрике. Это было фантастическое время! На фоне мрака и глады последних лет СССР город Иваново выглядел так, как будто его потенциальные невесты разграбили валютный магазин «Березка».

Итог известен: место ивановцев на мировой текстильной арене заняли китайцы (сняв прибыль со своих вложений в станки и дизайн), ивановские фабрики закрылись, а ткачихи получили по полной программе жизни в депрессивном регионе. Бывшие начальники, полагаю, пережили этот период менее жестко: как-то на полпути от Иванова к Кохме (еще одному текстильному центру) мне показали свежесозданный дачный городок, радующий глаз трехэтажной краснокирпичной архитектурой популярного амбарного типа. Один амбар, по слухам, принадлежал Зое Пуховой — некогда знаменитой ткачихе-многостаночнице, Героине Социалистического Труда, впоследствии директору фабрики им. 8 Марта, ныне закрытой

и переделанной в шопинг-мол. То есть ту часть средств, которую Зоя Пухова вложила в пусть и странноватую на посторонний взгляд, но все же недвижимость, она как минимум не потеряла.

У капитала — в отличие от потребления — вообще есть свойство мотить дорогу в будущее и влиять на него. Как минимум капитал является вложением в собственное пенсионное благополучие, что особенно важно в стране с неблагоприятной пенсионной системой. А как максимум — в благополучие страны и мира: имея капитал, ты можешь их облик менять. Скажем, создатель брендов Esprit и North Face Дуглас Томпкинс, сказочно разбогатев, обе свои марки продал и за 200 миллионов долларов купил в Чили и Аргентине 880 тысяч гектаров лесов, полей и рек, пребывающих, мягко говоря, в не лучшем экологическом виде. Затем он превратил их в образцово-показательные национальные парки, а потом передал в дар правительствам этих стран: он получал удовольствие от творимых им изменений на планете, а вовсе не прибыль и в корысти не хотел быть обвинен. То есть потребности Дугласа Томпкинса состояли именно в этом, а не в покупке личного плавающего или летающего средства («Ну и сколько нужно вам самолетов?» — заметил язвительно он).

А если это пример, слишком далекий от России (где, похоже, лишних самолетов и яхт не бывает), то извольте более близкий. Я тут провел дивный вечер с актером Вилле Хаапасало, с которым болтать одно удовольствие, как и удовольствие шататься по улицам, на которых его после «Особенностей национальной охоты» (и рыбалки) неизменно узнают и неизменно делают круглые глаза оттого, что он одет ни в какие-то долбаче-габбаны, а простецкие и чуть ли не затрапезные по российским понятиям штотки (в этом смысле Вилле за последние годы ни капли не изменился). Так вот, мы болтали о том о сем, о доходах киношников (в Финляндии, кстати, они невелики: кинорынок в стране с населением в 5 миллионов большим быть не может), а потом Вилле сказал, что на каждый день рождения он прикупает себе несколько гектаров финского леса.

Очень он любит лес, понимаете. Хочет, чтобы лес был красивым. Вилле — лесной капиталист. Надо ли говорить, что рождественские распродажи его не особо волнуют?

Декабрь 2007 года

Дмитрий Губин
Борцы и джентльмены

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*
Редактор *К. Мкртчян*
Художественный редактор *Е. Поляков*
Корректор *И. Яковенко*
Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 27.05.08 г.
Формат 70x108 ¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Тираж 46 000 экз. Заказ № 0806930.

ТЕРРА—Книжный клуб.
127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.